

ЗАЧЕМ НУЖНА ЧАСТИЦА *НУ* В ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ?

С.В. Князев

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук,
Москва, Россия; svknia@gmail.com*

Аннотация: В статье на материале данных 16 диалектных корпусов показано, что в диалектном русском языке выделяется четыре группы говоров в зависимости от частотности в них частицы *ну*: периферийные акающие южнорусские (смоленский, брянский, оскольский), в которых *ну* встречается в два раза чаще, чем в целом в русском языке; окающие севернорусские архангельские, где *ну* встречается в три с половиной раза реже, чем в целом в русском языке; непериферийные акающие южнорусские (калужский, рязанский) и западные среднерусские акающие (тверские, псковские), где зафиксирована ситуация, близкая общерусской. В отношении относительной частотности инициальной частицы *ну* и постпозитивной *-то* наблюдается отрицательная корреляция: чем частотнее в говоре *ну*, тем реже в нем употребляется *-то*; крайними точками этого распределения являются юго-западные и северо-восточные (архангельские) говоры. При этом в юго-западных говорах частица *дак* тяготеет к инициальной позиции, в северо-восточных же может с равной вероятностью употребляться как в препозиции, так и в постпозиции. Таким образом, юго-западные говоры «предпочитают» инициальные частицы финальным, а свободные используются в них преимущественно в инициали; северо-восточные, наоборот, ориентированы на использование постпозитивных частиц, а свободные распределены в них поровну между начальной и конечной позицией в высказывании. Причиной подобного распределения является специфика просодического оформления реактивных диалогических реплик: в северо-восточных говорах при помощи тонального выделения маркируется конец фразы, в юго-западных — начало.

Ключевые слова: русский язык; русские диалекты; частицы *ну*, *дак*, *-то*; фразовая интонация

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-01-10

Для цитирования: Князев С.В. Зачем нужна частица *ну* в южнорусских говорах? // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 1. С. 125–144.

WHY DO SOUTHERN RUSSIAN DIALECTS NEED *NU* PARTICLE?

Sergey V. Knyazev

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; svknia@gmail.com*

Abstract: Based on 16 dialect corpora of Russian the paper shows that there are four types of Russian dialects in respect of *nu* particle's frequency: peripheral southern (Smolensk, Bryansk, Oskol) with *nu* more than twice more frequent than average Russian; northern (Arkhangel'sk) with *nu* three times less frequent than average; nonperipheral southern (Kaluga, Ryazan') and western middle-Russian (Tver', Pskov) similar to all-Russian. Furthermore, a negative correlation exists in relative frequency of initial particle *nu* and postpositive *-to* in Russian dialects: the more frequent is *nu*, the less frequent is *-to*; with the extreme points in south-west and north-east of Russian dialect landscape. In addition, in the south-western dialects *dak* particle tends to fill initial position in a phrase, while in the north-eastern idioms it may be placed finally as well as initially in an utterance. Thus, the south-western dialects prefer initial particles and free particles in initial position, whereas the north-eastern ones, on the contrary, are oriented towards the postpositive use of particles. The distribution revealed is conditioned by the specific intonational patterns inherent in different idioms: in the north-eastern dialects the final part of reactive utterances is associated with tonal movements whilst in the south-western ones — the initial part of it.

Keywords: Russian; Russian dialects; *nu*, *dak*, *-to* particles; phrase prosody

For citation: Knyazev S.V. (2025) Why Do Southern Russian Dialects Need *NU* Particle? *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 125–144.

1. Русской диалектной речи свойственно большое количество полисемантических и полифункциональных «мелких слов» [Пожирицкая 1997: 126], таких как, например, *ак*, *дак* и *-то (-ом)*, распространенных преимущественно в севернорусских говорах.

В процессе создания интонационного корпуса русских диалектов [Князев и др. 2024] мы обратили внимание на то, что в периферийных южнорусских говорах (смоленских, брянских, оскольских) очень широко распространена частица *ну*; при аудитивном анализе складывается впечатление, что носители этих говоров в прямых ответах на вопрос¹ употребляют *ну* значительно чаще, чем это привычно носителю современного русского литературного языка (СРЛЯ). Статья посвящена особенностям функционирования *ну* и некоторых других частиц в русских говорах.

¹ Именно этот тип высказываний является самым частотным в существующих диалектных записях.

2. Отметим в качестве предварительного замечания, что семантика *ну* в реактивных репликах СРЛЯ подробно описана А.Н. Барановым и И.М. Кобозевой: «Обращает на себя внимание резкое противопоставление двух групп употреблений *ну*. В первую группу входят *НУ... Р* и *НУ, Р*, характеризующиеся возможностью паузы после *ну*, ударностью частицы и невозможностью ее замены частицей *да...* Ко второй группе относится конструкция *НУ Р*, отличающаяся невозможностью паузы после *ну*, безударностью частицы, наличием усиленного словесного ударения на интонационном центре фразы (ср. ИК-2) и синонимичностью с *ДА Р...* Интегральным семантическим компонентом для *ну* в первой группе можно считать “затруднение”, возникающее при вербализации ответа» [Баранов, Кобозева 1988: 50]. Это затруднение может быть связано с поиском правильного ответа; выбором из множества объектов, известных участникам ситуации общения; нежеланием делать соответствующую информацию достоянием слушающего или третьих лиц; выявлением стратегической цели вопроса [Баранов, Кобозева 1988: 51]. Ко второй группе относится *ну* «отсылки к упомянутому» [Баранов, Кобозева 1988: 62–65], в этой функции *ну* употребляется наряду с *да* [Баранов, Кобозева 1988: 62].

По мнению А.Д. Шмелева, в СРЛЯ «общая идея частицы *ну* связана с “вынужденным говорением”. *Ну* уместно, когда развитие коммуникативной ситуации заставляет говорящего сказать нечто; говоря это, он апеллирует к тому, что уже в какой-то степени известно адресату речи, и выражает установку на взаимопонимание и кооперацию» [Шмелев 2005: 519].

3. На первом этапе было проведено статистическое исследование частотности частицы *ну* в СРЛЯ и русских диалектах. Данные литературного языка получены из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка², диалектные данные — из его диалектного подкорпуса и следующих диалектных корпусов:

Южнорусские:

А.В. Тер-Аванесова, Ф.А. Балабин, С.В. Дьяченко, А.В. Малышева, А.Б. Панова, В.А. Морозова. Корпус говора села Малинино. 2019. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <https://lingconlab.ru/malinino/> (дата обращения: 29.11.2023),

А.В. Тер-Аванесова, С.В. Дьяченко, Е.В. Корпечкова, А.В. Малышева, И.С. Пекунова, М.Н. Толстая. Корпус говора деревни Нехо-

² Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 28.11.2023.

чи. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/nekhochi/> (дата обращения: 29.11.2023),

А.И. Рыко, М.В. Спиричева. Корпус Хиславичского района Смоленской области. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/khislavichi/> (дата обращения: 29.11.2023),

A.V. Ter-Avanesova, S.V. Dyachenko, E.V. Kolesnikova, A.V. Malysheva, D.I. Ignatenko, A.B. Panova, N.R. Dobrushina. Corpus of Rogovodka dialect. 2018. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE. URL: <http://lingconlab.ru/rogovodka/> (дата обращения: 29.11.2023),

М.О. Garder, N.S. Petrova, A.B. Moroz, A.B. Panova, N.R. Dobrushina. Corpus of Spiridonova Buda dialect. 2018. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. (Available online at URL: <http://lingconlab.ru/SpiridonovaBuda>, accessed on 29.11.2023);

Севернорусские:

С.В. Князев. Корпус говора села Церковное. 2022. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/tserkovnoe> (дата обращения: 29.11.2023),

С.В. Князев. Корпус говоров Средней Пинеги. 2023. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/pinega> (дата обращения: 29.11.2023),

С.В. Князев. Корпус говоров бассейна Верхней Пинеги и Выи. 2021. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/vaduga/> (дата обращения: 29.11.2023),

С.В. Князев. Корпус говора Средней Пёзы. 2022. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/pyoza> (дата обращения: 29.11.2023),

С.В. Князев. Корпус говора деревни Веегора. 2022. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/veegora> (дата обращения: 29.11.2023),

С.В. Князев. Корпус говора села Кеба. 2022. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/keba> (дата обращения: 29.11.2023),

Ю.М. Кувшинская, П. Ю. Машковцева. Корпус говора Мантуровского района Костромской области. 2021. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный

ресурс: <http://lingconlab.ru/manturovo/>. <http://lingconlab.ru/manturovo/> (дата обращения: 29.11.2023);

Среднерусские:

А.В. Малышева, А.В. Тер-Аванесова. Лужниковский корпус. 2021. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/luzhnikovo/> (дата обращения: 29.11.2023),

Р.В. Ронько, А.С. Азанова, З.А. Бутенко, М.С. Замбрицкая, И.А. Марченко, Д.И. Мочульский, Е.И. Цейтина, Е.Ю. Волошина. Корпус деревень Шетнево и Макеево 2022, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Доступен по ссылке: <http://lingconlab.ru/shetnevo/#!/>, дата обращения: 29.11.2023),

Р.В. Ронько, Е.А. Вольф, М.Ю. Гребёнкина, М.Ю. Ершова, А.В. Охапкина, А.С. Хадасевич, В.А. Морозова. Корпус опочечких говоров 2019, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Доступен по ссылке <https://lingconlab.ru/opochka> дата обращения: 29.11.2023),

Ю.М. Кувшинская. Корпус говоров низовья рек Лух и Теза. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. (Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/lukhteza/>, дата обращения: 29.11.2023).

Полученные из корпусов данные о частотности частицы *ну* в разных идиомах русского языка приведены ниже в табл. 1.

Приведенные в таблице данные дают основания для следующих выводов:

В русском языке в целом, как и в диалектном языке в целом, *ну* встречается приблизительно один раз на 100 словоупотреблений и составляет, соответственно, около 1% всех словоупотреблений (см. последние две строки табл. 1).

При этом в диалектном языке отчетливо выделяется четыре группы говоров в зависимости от частотности в них *ну*:

1) группа 1, в которую входят периферийные акающие южнорусские говоры: смоленский (Хиславичи), брянский (Спиридонова Буда), оскольский (Роговатое); в них *ну* встречается в два раза чаще, чем в целом в русском языке, — один раз на 48 словоупотреблений, 2,1%;

2) группа 4: окающие севернорусские архангельские говоры, в которых *ну* встречается в три с половиной раза реже, чем в целом в русском языке, и в семь раз реже, чем в первой группе, — один раз на 315 словоупотреблений, 0,3%;

Частота встречаемости ну в разных идиомах русского языка

Идиом	Общее кол-во словоупотреблений	Общее кол-во ну	Кол-во словоупотреблений на 1 ну	ну: % от общего числа слов
Спиридонова Буда (ю, ак)	70 566	1 144	61,7	1,6
Роговатое (ю, ак)	100 048	1 671	59,9	1,7
Хиславичи (ю, ак)	296 323	6 870	43,1	2,3
Группа 1	466 937	9 685	48	2,1
Нехочи (ю, ак)	88 965	969	91,8	1,1
Малинино (ю, ак)	138 943	1 728	80,4	1,2
Лужниково (ср, ак)	85 490	1 032	82,8	1,2
Опочка (ср, ак)	68 743	754	91,2	1,1
Шетнево-Макеево (ср, ак)	95 335	1 109	86,0	1,2
Группа 2	477 476	5 592	85	1,2
Лух и Теза (ср, ок)	146 350	1 065	137,4	0,7
Мантурово (сев, ок)	113 838	650	175,1	0,57
Группа 3	260 188	1 715	152	0,66
Церковное (сев, ок)	39 469	98	402,7	0,25
Нючча (сев, ок)	43 270	114	379,6	0,35
Вадюга (сев, ок)	70 803	141	502,1	0,2
Мосеево (сев, ок)	79 566	416	191,3	0,5
Веегора (сев, ок)	91 514	353	259,2	0,4
Кеба (сев, ок)	54 535	81	673,3	0,15
Группа 4	379 157	1 203	315	0,3
Рускорпора _{устный}	13 984 358	148 845	94	1,06
Рускорпора _{диалектный}	599 258	6 258	96	1,04

Примечание: ю — южнорусские говоры, ср — среднерусские, сев — севернорусские; ак — акающие, ок — окающие.

3) близкая к ним группа 3, в которую входят окающие юго-восточный севернорусский костромской говор (Мантурово) и северо-восточный среднерусский (Лух и Теза), — 0,66%;

4) группа 2 — некоторые периферийные акающие южнорусские (Нехочи, Малинино) и западные среднерусские акающие говоры (Опочка, Лужниково, Шетнево-Макеево): в них зафиксирована ситуация, близкая общерусской.

Таким образом, среди русских говоров в отношении частотности ну резко выделяются западные южнорусские акающие говоры, в которых эта частица встречается в два раза чаще, чем в среднем в русском языке, и восточные севернорусские акающие, где ну используется в три с половиной раза реже, чем в среднем.

Эти говоры отличаются друг от друга и более общим признаком — предпочитаемым местом частиц в высказывании. Так, пограничным с украинскими и белорусскими говорам русского языка свойственна инициальная вопросительная частица *чи/ти* [Пожарицкая 1997: 128]; наоборот, северо-восточные говоры характеризуются «наиболее упорядоченным» употреблением постпозитивных частиц, в частности *-то* в разных ее вариантах [Пожарицкая 1997: 130]. Ну и *-то* сближает тот факт, что традиционно эти частицы рассматривались как усилительно-выделительные, но тщательный анализ их семантики и функций в высказывании свидетельствует о более сложной их организации³.

4. Данные о частотности *-то* в тех же идиомах русского языка, что обсуждались выше, представлены ниже в табл. 2.

Приведенные в таблице 2 данные свидетельствуют о том, что в отношении частотности инициальной частицы ну и постпозитивной *-то* наблюдается отрицательная корреляция: чем частотнее в говоре ну, тем реже в нем употребляется *-то*. Крайними точками этого распределения являются юго-западные (смоленский, брянский, оскольский — группа 1) и северо-восточные (архангельские — группа 4) говоры: в первых частотность ну более чем в два раза выше частотности *-то* (2,1% и 0,9% соответственно); в последних, наоборот, ну используется в 12 раз реже, чем *-то* (0,3% и 3,6% соответственно). В то же время в центральных южнорусских и акающих западных среднерусских говорах (группа 2) ну и *-то* встречаются с одинаковой вероятностью.

5. Кроме частиц с фиксированной позицией в высказывании (ну — в начале реплики, *-то* — после определяемого слова) в русских говорах существуют «мелкие слова», позиция которых не задана столь жестко. К их числу принадлежит *дак*, которое может находиться как до, так и после того фрагмента высказывания, к которому оно относится, см. табл. 3.

³ Ср.: «В контекстах с ну имеются, помимо ну, и другие средства усиления и эмфатического выделения (вводные слова, специфическая интонация и т.п.). К тому же остается неясным, что подвергается усилению и эмфазе» [Баранов, Кобозева 1988: 62]; «Функция <частицы *-то* в севернорусских говорах> не может быть однозначно определена как усилительно-выделительная хотя бы потому, что в речи она встречается значительно чаще, чем это требовалось бы для усиления и выделения слов; в некоторых говорах она может сопровождать несколько слов в пределах одного высказывания» [Пожарицкая 1997: 129–130].

**Частота встречаемости постпозитивной частицы -то
в разных идиомах русского языка**

Идиом	Общее кол-во словоупо- треблений	Общее кол-во -то	Кол-во словоупо- треблений на 1 -то	-то: % от общего числа слов *
Спиридонова Буда (ю, ак)	70 566	503	140	0,7
Роговатое (ю, ак)	100 048	1252	80	1,25
Хиславичи (ю, ак)	296 323	2514	118	0,85
Группа 1	466937	4269	109	0,9 (2,1)
Нехочи (ю, ак)	88 965	1146	78	1,3
Малинино (ю, ак)	13 8943	1923	72	1,4
Лужниково (ср, ак)	85 490	1389	62	1,6
Опочка (ср, ак)	68 743	618	111	0,9
Шетнево-Макеево (ср, ак)	95 335	592	161	0,6
Группа 2	477476	5668	84	1,2 (1,2)
Лух и Теза (ср, ок)	146 350	3105	47	2,1
Мантурово (сев, ок)	113 838	2227	51	2,0
Группа 3	260188	5332	49	2,0 (0,66)
Церковное (сев, ок)	39 469	1048	38	2,7
Нюхча (сев, ок)	43 270	1566	28	3,6
Вадюга (сев, ок)	70 803	2865	25	4,0
Мосеево (сев, ок)	79 566	3087	26	3,9
Веегора (сев, ок)	91 514	3500	26	3,8
Кеба (сев, ок)	54 535	1618	34	3,0
Группа 4	379 157	13 684	28	3,6 (0,3)
Рускорпора _{устный}	13 984 358	27 902	502	0,2 (1,1)
Рускорпора _{диалектный}	599 258	3475	173	0,6

Примечание: ю — южнорусские говоры, ср — среднерусские, сев — севернорусские; ак — акающие, ок — окающие. * в скобках — частота встречаемости ну (см. табл. 1).

Приведенные в таблице данные позволяют утверждать, что в северо-восточных говорах *дак* употребляется значительно чаще (почти в 12 раз), чем в юго-западных; при этом в юго-западных говорах *дак* тяготеет к инициальной позиции (90% всех употреблений), в северо-восточных же может с равной вероятностью употребляться как в препозиции, так и в постпозиции.

Позиция *дак* в высказывании в юго-западных и северо-восточных говорах

Идиом	Кол-во слово- употреблений	Общее кол- во <i>дак</i>	Кол-во <i>дак</i> в препози- ции (%)	Кол-во <i>дак</i> в постпози- ции (%)
Спиридонова Буда (ю*, ак)	70566	128	110 (86%)	18 (14%)
Роговатое (ю, ак)	100048	35	32 (91%)	3 (9%)
Хиславичи (ю, ак)	296323	452	411 (91%)	41 (9%)
Группа 1	466937	615 (0,13%)	553 (90%)	62 (10%)
Церковное (сев, ок)	39469	668	301 (45%)	367 (55%)
Нюхча (сев, ок)	43270	571	384 (67%)	187 (33%)
Вадюга (сев, ок)	70803	1300	442 (34%)	858 (66%)
Мосеево (сев, ок)	79566	1321	647 (49%)	674 (51%)
Веегора (сев, ок)	91514	1396	740 (53%)	656 (47%)
Кеба (сев, ок)	54535	748	359 (48%)	389 (52%)
Группа 4	379157	6004 (1,6%)	2873 (48%)	3131 (52%)

Примечание: ю — южнорусские говоры, ср — среднерусские, сев — севернорусские; ак — акающие, ок — окающие.

6. Итак, на основании всего изложенного выше можно заключить, что юго-западные говоры «предпочитают» инициальные частицы финальным, а свободные используются в них преимущественно в инициали; северо-восточные, наоборот, ориентированы на использование постпозитивных частиц, а свободные распределены в них поровну между начальной и конечной позицией в высказывании.

Что же могло послужить причиной такого распределения? Наша гипотеза заключается в том, что оно в значительной степени обусловливается фразовой интонацией соответствующих идиомов.

На тот факт, что частицы могут определять интонационное оформление фразы, указывала Т.М. Николаева, классифицировавшая их как акцентулируемые/неакцентулируемые и акцентулирующие/неакцентулирующие [Николаева 1985: 121].

А.Н. Баранов и И.М. Кобозева при обсуждении значений *ну* прямо указывают на связь между передаваемым частицей значением и просодическим оформлением высказывания: «Итак, имеются три частицы, встречающиеся в прямых ответах: *ну*, *да* и *а*. Каждой из них соответствует определенный интонационный контур (ИК) фразы в целом или набор таких факторов. Известно, что интона-

ция — одно из важнейших средств передачи оттенков субъективно-модальных значений. Возникает вопрос: нельзя ли приписать модальное «приращение» к смыслу фразы с частицей исключительно интонации, а частицу считать незначимым «довеском», необходимым для более полного развертывания интонационного контура? Для отдельных примеров такой подход оправдан. Однако ко всей совокупности наблюдаемых фактов он не применим. Судя по всему, существуют сложные правила взаимодействия собственных значений ИК и частиц, которые приводят к возникновению результирующих значений, которые мы описываем ниже» [Баранов, Кобозева 1988: 49–50].

В свою очередь, С.К. Пожарицкая, обсуждая функционирование частицы *-то* в севернорусских говорах, отмечает, что зачастую «ей свойственна определенная роль в просодической структуре диалектной речи, в ее ритмическом оформлении» [Пожарицкая 1997: 130].

В ходе исследования литературной разговорной речи выяснилось, что в ней существуют так называемые «пустые» частицы и некоторые самостоятельные слова, выступающие в этой роли, которые «теряют основные признаки слова: во-первых, они не имеют фонетической самостоятельности, так как лишены ударения; во-вторых, их употребление в высказывании является грамматически избыточным. Однако данные звуковые сегменты (их можно было бы назвать “квазисловами”) выполняют важную роль в ритмической организации РР» [Розанова 1983: 36]⁴.

Итак, мы предполагаем, что предпочтение тех или иных частиц и их позиции в высказывании может быть обусловлено в русских говорах характером интонационного оформления ответных диалогических реплик. Рассмотрим далее в этой связи максимально противопоставленные в отношении интересующей нас дистрибуции частиц русские говоры — северо-восточные и юго-западные.

7. Наиболее распространенным способом просодического оформления ответных диалогических реплик в северо-восточных архангельских говорах является специфический мелодический контур (%L) L* H- L% [Князев 2023]:

- в начале фразы тон обычно фонетически средний или низкий (фонологически он не противопоставлен высокому в этих говорах, поэтому знак %L заключен в скобки и не отмечается на приведенных ниже иллюстрациях);

⁴ Впрочем, в современной лингвистике скорее принято считать, что частицы не бывают «пустыми», они всегда на что-то указывают, являются «прагматическими маркерами» [Дараган 2000; 2002], например, ну в определенных ситуациях «сигнализирует о начале нового фрагмента текста» [Дараган 2003: 168].

- на всем протяжении ударного слога словоформы-акцентоносителя (при наличии заакцентных слогов) либо в начальной его части тон ровный низкий (тональный акцент L^* или L^*+H);
 - затем происходит повышение частоты основного тона (ЧОТ) до высокого, завершающееся обычно к началу предпоследнего гласного, после достижения высшей точки ЧОТ образуется продолжительный (насколько это позволяет имеющийся сегментный материал) участок ровного высокого тона (фразовый тон H -);
 - после чего в середине конечного гласного, его начале или даже в начале согласного в инициали конечного слога начинается понижение тона, минимум которого достигается в конце последнего во фразе гласного (низкий пограничный тон, $L\%$).
- Соответствующие примеры приведены на рис. 1–5.

Как видим, реактивные реплики в архангельских говорах оформляются при помощи сложного мелодического контура, причем бо́льшая часть тональных событий происходит на заакцентной части высказывания; для их реализации необходим сегментный материал, не всегда наличествующий в знаменательных словах (не

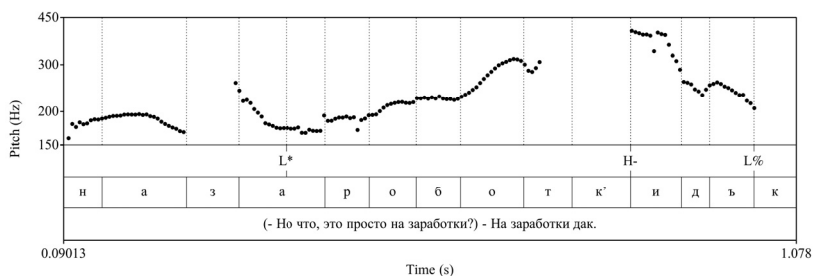

Рис. 1. Интонограмма ответной реплики *На заработки дак* (д. Мосеево Архангельской обл.)

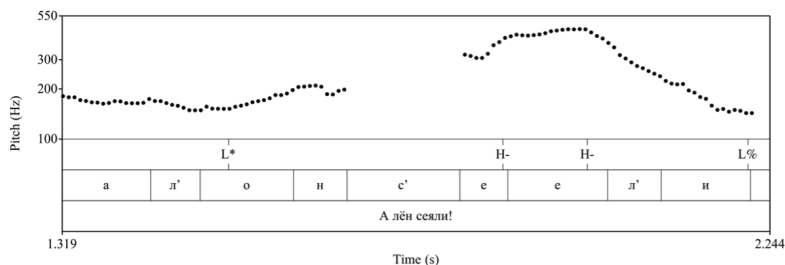

Рис. 2. Интонограмма ответной реплики *А лён сеяли!* (д. Веегора Архангельской обл.)

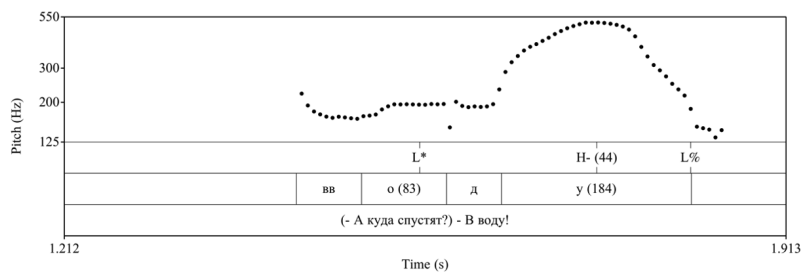

Рис. 3. Интонограмма ответной реплики *В воду!* (д. Кеба Архангельской обл.)

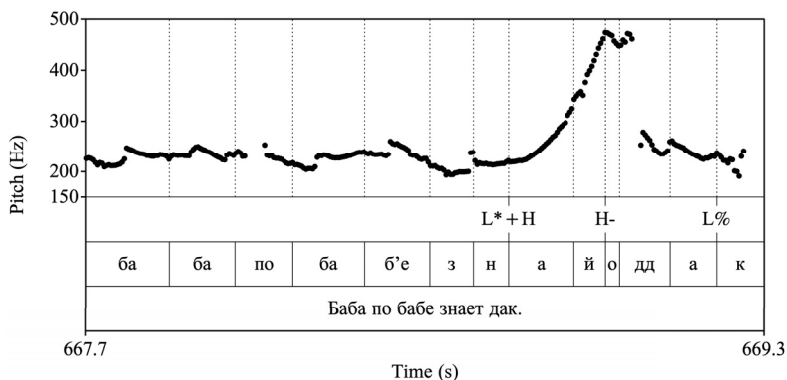

Рис. 4. Интонограмма ответной реплики *Баба по бабе знает дак* (д. Вадюга Архангельской обл.)

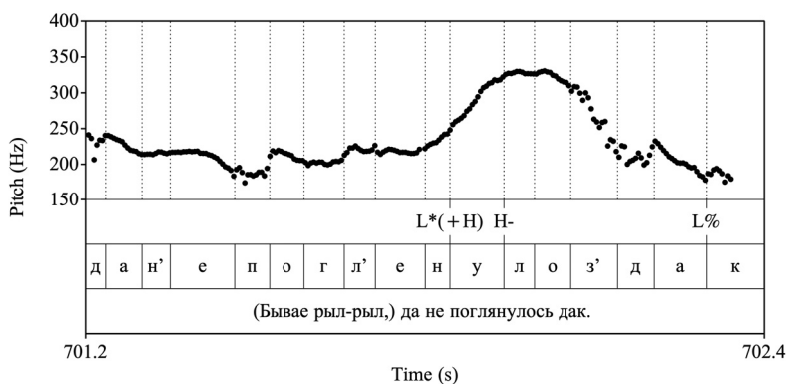

Рис. 5. Интонограмма реплики *да не поглянулось дак* (д. Вадюга Архангельской обл.)

все они содержат достаточное число заударных слогов), в этих случаях полем для реализации тонального движения могут служить постпозитивные частицы — например, *дак* (см. рис. 1, 4, 5).

Л.В. Щигель отмечала, что одно-двухсложные ответные реплики в говорах Вологодской и Архангельской областей «по строению мелодического контура разбиваются на две группы, одна из которых объединяет примеры интонации завершения по типу ИК-1 в литературном языке, для другой группы примеров характерно повышение тона на постцентральной части, причем уровень тона в центре несколько ниже уровня тона предцентральной части. Эта группа мелодических контуров соответствует ИК-4 литературного языка» [Щигель 1985: 109]. Р.Ф. Пауфошима отмечала, что в севернорусских говорах наряду с другими широко распространен «мелодический контур, выступающий также в функции завершения, а именно, восходящий, с сильным подъемом тона в постцентральной части высказывания... после чего может следовать падение тона»; «по своим характеристикам напоминает реализации ИК-4» [Пауфошима 1989: 58–59, 61]. Как показано в [Князев 2023], основным отличием этого мелодического контура от ИК-4 литературного языка является именно наличие **низкого** конечного пограничного тона в конце синтагмы (а не высокого, как в ИК-4). Высокий тон в конце фразы возможен только при отсутствии заакцентных слогов, необходимых для его реализации — в этом случае происходит трункация конечного пограничного тона, аналогично тому, как это происходит в случае ИК-3 и ИК-6 в СРЛЯ [Ode 2005; Rathcke 2017].

Итак, в этих случаях специальной тональной маркировки начала фразы не требуется (тон на нем базовый); наоборот, конец фразы должен быть маркирован: конечный слог должен нести низкий тон, отличный от предшествующего высокого.

8. Самый типичный способ интонационного оформления ответных диалогических реплик в юго-западных говорах — особый мелодический контур %Н L* L% [Князев 2024].

На первый взгляд может показаться, что утверждение в них оформляется так же, как и в литературном русском языке, — нисходящим движением тона с высокого уровня на ударном слоге словоформы-акцентоносителя с последующим ровным низким до конца фразы. Однако такой тип оформления представлен в говоре только на начальном во фразе ударном слоге. В примерах, содержащих предакцентные слоги, наблюдается иная картина:

- фраза начинается с высокого пограничного тона %Н (или с резкого повышения ЧОТ на первых 1–2 сегментах вне зависимости от места ударного слога);

- на всех предударных слогах словоформы-акцентоносителя (кроме первого во фразе) наблюдается падение тона;
- в случае если ударный слог является вторым во фразе, на нем отмечается либо понижение тона с последующим ровным низким, либо ровный низкий тон;
- в случае если ударный слог акцентоносителя третий (или далее) во фразе, тон на нем всегда ровный низкий (L^*);
- на всех заакцентных слогах сохраняется ровный низкий тон ($L\%$).

Эти данные свидетельствуют о том, что фонологически тональный акцент утвердительных предложений в подобных говорах представляет собой ровный низкий тон (L^*), наиболее близкий тональному акценту ИК-1 СРЛЯ, но отличающийся от него еще более ранним таймингом нисходящего тонального движения. При этом весь мелодический контур существенно отличается от ИК-1 — наличием высокого начального пограничного тона и распространением нисходящего движения ЧОТ на всю преакцентную часть (а не начало ударного слога или первый предударный слог, как в литературном русском языке).

Соответствующие примеры приведены на рис. 6–13.

Приведенные данные позволяют утверждать, что реактивные реплики в юго-западных говорах оформляются при помощи довольно сложного мелодического контура, при этом значительная часть тональных событий ассоциирована с преакцентной частью высказывания; сегментным материалом для их реализации могут служить инициальные частицы, поскольку в знаменательных словах не всегда есть достаточное количество предударных слогов.

Таким образом, в говорах юго-запада, в отличие от северо-восточных, не требуется специальной тональной маркировки конца фразы (низкий его тон совпадает с низким акцентным); наоборот,

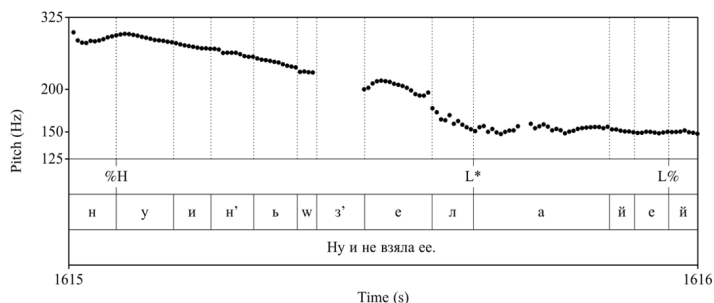

Рис. 6. Интонограмма ответной реплики *Ну и не взяла ее* (с. Роговатое Белгородской области)

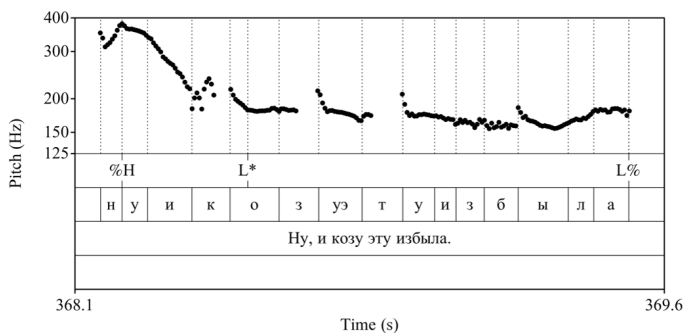

Рис. 7. Интонограмма ответной реплики *Ну, и козу эту избыла* (с. Роговатое Белгородской области)

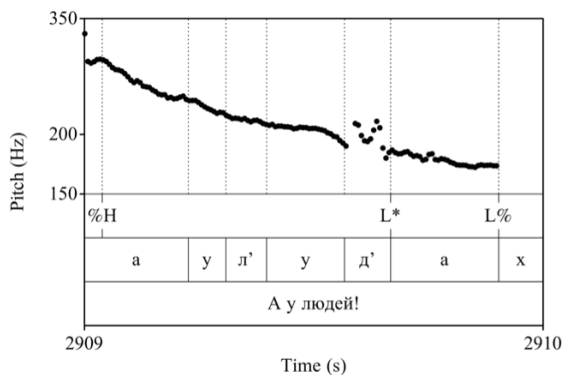

Рис. 8. Интонограмма ответной реплики *А у людей!* (с. Роговатое Белгородской области)

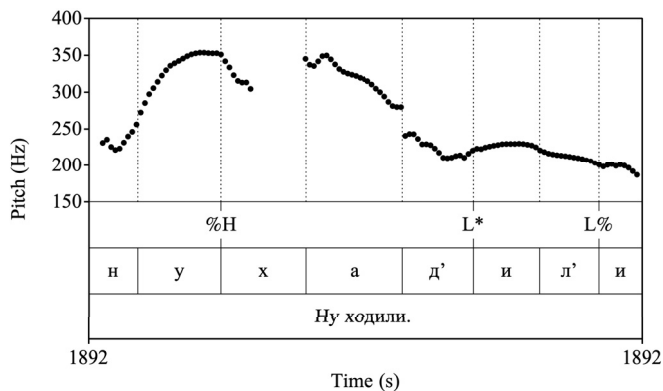

Рис. 9. Интонограмма ответной реплики *Ну ходили* (с. Спиридонова Буда Брянской области)

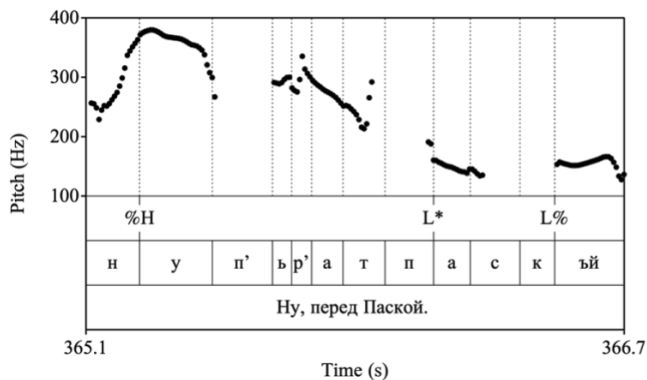

Рис. 10. Интонограмма ответной реплики *Ну, перед Паской* (с. Спиридонова Буда Брянской области)

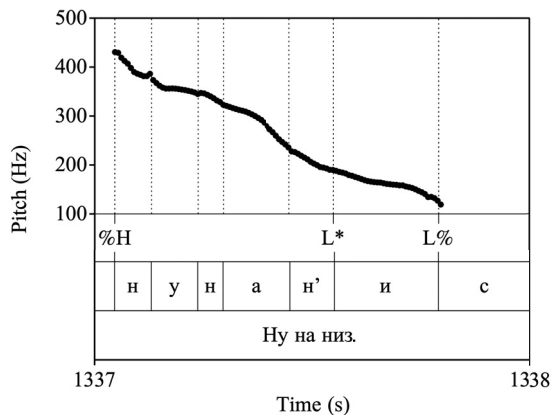

Рис. 11. Интонограмма ответной реплики *Ну на низ* (с. Спиридонова Буда Брянской области)

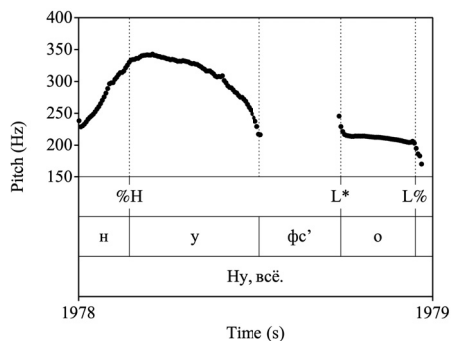

Рис. 12. Интонограмма ответной реплики *Ну, всё* (с. Спиридонова Буда Брянской области)

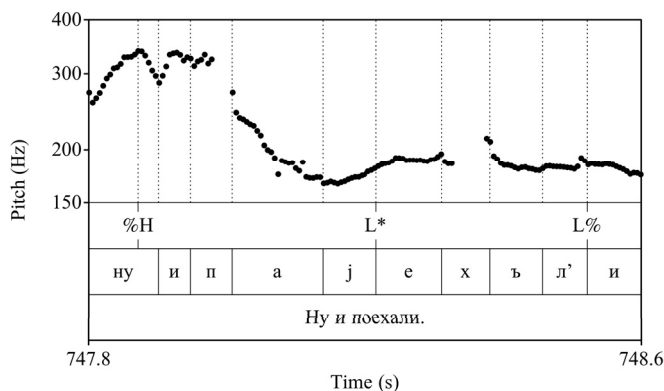

Рис. 13. Интонограмма ответной реплики *Ну и поехали*
(с. Горяны Смоленской области)

начало фразы должно быть маркировано: первый слог должен нести высокий тон, отличный от базового (и последующего низкого акцентного).

9. Отметим, что подобный (или весьма сходный с этим) мелодический контур встречается и в севернорусских диалектах, причем чаще, по-видимому, в тех из них, которые не находятся на северо-восточной периферии русского диалектного ландшафта. На рис. 14 приведен соответствующий пример из говора д. Вакулино Пречистенского района Костромской области⁵. Этот тип просодического

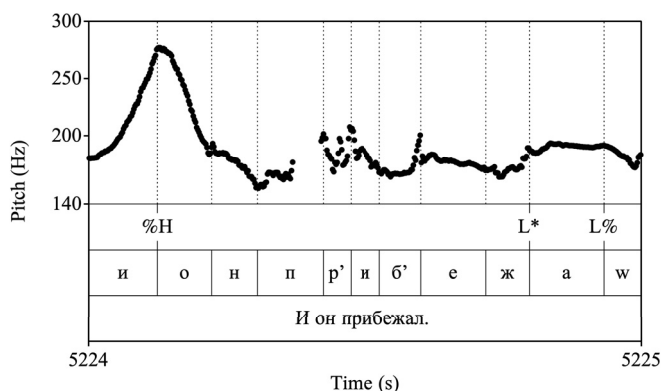

Рис. 14. Интонограмма реплики *И он прибежал*
(д. Вакулино Пречистенского района Костромской области)

⁵ Запись С.В. Дьяченко и И.И. Исаева 2014 г.

оформления утверждений, по нашим предварительным наблюдениям, в северных говорах характерен не для ответных диалогических реплик (повторим, самых частотных в диалектологических записях), а для утвердительных высказываний в повествовательном жанре. При этом в юго-западных говорах контур %Н L* L% используется как в том, так и в другом случаях. Наша предварительная гипотеза, позволяющая, как кажется, пролить свет на это различие, заключается в том, что в юго-западных (шире — акающих) говорах, как и в литературном русском языке, не существует различия между просодическим оформлением утверждений с широким (презентационным) фокусом в повествовании и узким информационным фокусом ответных диалогических реплик. Наоборот, в говорах севернорусского наречия это разграничение осуществляется — в том числе и при помощи просодических средств. Вопрос этот нуждается, конечно, в дальнейших исследованиях.

10. Итак, проведенное исследование показало, что периферийные русские юго-западные говоры «предпочитают» инициальные частицы финальным, в то время как свободные используются в них преимущественно в инициали; северо-восточные архангельские говоры, наоборот, ориентированы на использование постпозитивных частиц, а свободные распределены в них поровну между начальной и конечной позицией в высказывании. Причиной подобного распределения является специфика просодического оформления реактивных диалогических реплик: в северо-восточных говорах при помощи тонального выделения маркируется конец фразы, в юго-западных — начало.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н., Кобозева И.М. Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 45–69.
2. Дараган Ю.В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Международного Семинара Диалог 2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2000. С. 67–73.
3. Дараган Ю.В. Риторическая структура текста и маркеры порождения речи // Труды Международного Семинара Диалог 2002 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2002. С. 114–127.
4. Дараган Ю.В. Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства // Труды Международного семинара Диалог 2003 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2003. С. 166–178.
5. Князев С.В. Фразовый завершитель в архангельских говорах: фонетическая реализация и фонологическая интерпретация // Русский язык в научном освещении. 2023, 1 (44). С. 32–65.
6. Князев С.В. Фразовая интонация южнорусского говора: Роговатое // Вопросы языкознания. 2024. № 1. С. 85–127.

7. Князев С.В., Мороз Г.А., Дьяченко С.В. Корпус Просодия Русских Дialectов. 2024. Электронный ресурс: <https://LingConLab.github.io/PRuD/> (дата обращения: 29.11.2023).
8. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. Электронный ресурс: ruscorpora.ru
9. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. М., 1985. 169 с.
10. Пауфошима Р.Ф. Об использовании регистровых различий в русской фразовой интонации (на материале русского литературного языка и севернорусских говоров) // Славянское и балканское языкознание. Просодия / Под ред. С.Б. Бернштейн. М., 1989. С. 53–63.
11. Пожарицкая С.К. Русская диалектология. М., 1997.
12. Розанова Н.Н. Суперсегментная фонетика // Земская Е. А. (ред.) Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест. М., Наука, 1983. С. 5–79.
13. Шмелев А.Д. «Показатели хезитации» в русской устной речи // В.Н. Топоров (отв. ред.). Язык. Личность. Текст. М., 2005. С. 518–529.
14. Щигель Е.В. Особенности интонационной организации фразы в некоторых северно-русских говорах // Диалектография русского языка. Аванесов Р.И., Горшков А.И. (ред.). М., 1985. С. 102–111.
15. Odé C. Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables // *Speech Communication*. 2005. 47 (1–2). P. 71–79.
16. Rathcke T. How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German // *Phonetica*. 2017. 73. P. 194–228.

REFERENCES

1. Baranov A.N., Kobozeva I.M. Modal'nye chastitsy v otvetakh na vopros [Modal particles in replies to questions]. *Pragmatika i problemy intensional'nosti*. Moscow: IVAN USSR, 1988, pp. 45–69 (In Russ.)
2. Daragan Yu. V. Funktsii slov-“parazitov” v russkoy spontannoy rechi [Functions of “parasitic” words in Russian spontaneous speech]. *Computational linguistics and intellectual technologies: International conference Dialog 2000*. Moscow, Nauka, 2000, pp. 67–73 (In Russ.)
3. Daragan Yu. V. Ritoricheskaya struktura teksta i markery porozhdeniya rechi [Rhetorical text structure and markers of speech generation]. *Computational linguistics and intellectual technologies: International conference Dialog 2002*. Moscow, Nauka, 2002, pp. 114–127 (In Russ.)
4. Daragan Yu. V. Parazitizm ili simbioz: mekhanizm preodoleniya kommunikativnykh sboev i obsluzhivayushchie ego verbal'nye sredstva [Parasitism or symbiosis: the mechanism of overcoming of communicative failures and verbal maintenance facilities]. *Computational linguistics and intellectual technologies: International conference Dialog 2003*. Moscow: Nauka, 2003, pp. 166–178. (In Russ.)
5. Knyazev S.V. Frazovyy zavershitel' v Arkhangel'skikh govorakh [Phrase Finalizer in Arkhangel'sk Dialects]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2023, 1 (44), pp. 32–65. (In Russ.)
6. Knyazev S.V. Frazovaya Intonatsiya Yuzhnorusskogo Govora: Rogovatoe [Phrase prosody of a Southern Russian dialect: Rogovatoe]. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, № 1, pp. 85–127. (In Russ.)
7. Knyazev S.V., Moroz G.A., Dyachenko S.V. Corpora Prosody of Russian Dialects. 2024. URL: <https://LingConLab.github.io/PRuD/> (accessed 29.11.2023)
8. Nikolaeva T.M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii* [Particles' functions in utterance]. Moscow, Nauka, 1985, 169 pp. (In Russ.)

9. Odé C. Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables. *Speech Communication*, 2005, 47 (1–2), pp. 71–79.
10. Paufoshima R.F. On the use of tone level differences in phrase intonation in Standard Russian and Northern Russian dialects. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Prosodiya*. Bernshtein S. B. (ed.). Moscow, Nauka, 1989, pp. 53–63.
11. Pozharitskaya S.K. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, Moscow State University Publ., 1997. 168 p. (In Russ.)
12. Rathcke T. How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German. *Phonetica*, 2017, 73, pp. 194–228.
13. Rozanova N.N. Supersegmentnaya fonetika [Suprasegmental Phonetics]. Zems-kaya E.A. (ed.) *Russkaya razgovornaya rech’: fonetika, morfologiya, leksika, zhest*. Moscow, Nauka, 1983, pp. 5–79 (In Russ.)
14. Russian National Corpora. 2003–2023. URL: ruscorpora.ru (accessed: 28.11.2023)
15. Shchigel’ E.V. Peculiar properties of intonational structure in some Northern Russian dialects. *Dialektografiya russkogo yazyka*. Avanesov R.I., Gorshkov A.I. (eds.). Moscow, Nauka, 1985, pp. 102–111.
16. Shmelev A.D. “Pokazatali khezitatsii” v russkoy ustnoy rechi [“Hesitation markers” in Russian oral speech]. Toporov V. N. (ed.) *Yasyk. Lichnost’. Tekst*. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul’tur, 2005, pp. 518–529. (In Russ.)

Поступила в редакцию 01.12.2023

Принята к публикации 16.04.2024

Отредактирована 10.01.2025

Received 01.12.2023

Accepted 16.04.2024

Revised 10.01.2025

ОБ АВТОРЕ

Князев Сергей Владимирович — главный научный сотрудник ИРЯ РАН имени В.В. Виноградова; svknia@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Sergey Knyazev — Chief Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; svknia@gmail.com